

Шаваева Фатима Якубовна

**МЕТАФОРА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
МИРОВОСПРИЯТИЯ В РОМАНЕ К. ВОННЕГУТА "MOTHER NIGHT" ("МАТЬ ТЬМА")**

В статье высказываются некоторые точки зрения относительно понятия "языковая картина мира". На основе анализа различных видов метафор, используемых в романе К. Воннегута "Mother Night" ("Мать Тьма"), по-новому интерпретируется их роль в индивидуальном мировосприятии автором романа концептов ЛЮБОВЬ и ВОЙНА; делается вывод о том, что метафора является одним из способов создания языковой картины мира; доказывается, что через использование метафор, характерных именно для К. Воннегута, создается новый мир, увиденный его глазами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 177-180. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

с другом. Притом сочетание полного набора этих признаков с параметром положительного значения признака у фона даёт максимально мощную эмоционально-оценочную «зарядку» высказыванию. Собственно, уже особенности исследуемой семантической области определяют возможность эмоциональной вовлечённости и аффективного тона (ср. рус. *совершенно замечательный*). Напротив, различные иные комбинации, например нечёткость фонового множества или неакцентируемая уникальность профиля, показывают ограничения на прагматическом уровне, связанные с преобладанием формального или этикетного использования высказываний. Фактором, ограничивающим употребимость в контексте с отрицанием (позитивная полярность), является усложнение семантической структуры слова. В целом наш анализ показывает роль прагматических «экстраполяций» из семантической структуры слова в организации синонимических групп.

Список источников

1. **Чиронов С. В.** Интенсификаторы положительной полярности: данные корпуса японского языка // Электронный научный журнал. 2016. № 2 (2). С. 308-315.
2. **Чиронов С. В.** Ремагические наречия в структуре аргументации на японском языке // *Philology*. 2017. № 1. С. 101-106.
3. **Hitchings H.** *Sorry! The English and Their Manners*. London: Picador, 2013. 400 p.
4. **Langacker R.** *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford: SUP, 1987. Vol. 1. Theoretical prerequisites. 516 p.
5. **Talmy L.** Figure and Ground in Complex Sentences // *Universals of Human Language / J. Greenberg et al. (eds.)*. Stanford: SUP, 1978. Vol. 4. P. 625-649.
6. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка KOTONOHA) [Электронный ресурс]. URL: http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения: 12.02.2016).
7. 工藤浩「程度副詞をめぐって」『副用語の研究』渡辺実編、明治書院 (Кудо Х. О наречиях степени // Исследования наречий / М. Ватанабэ. Токио: Мейдзи-сэин, 1983. С. 176-198.)
8. 森本哲郎『日本語-表と裏』新潮文庫 (Моримото Т. Японский язык: лицо и изнанка. Токио: Синтё бунко, 1985. 224 с.)
9. 飛田良文・浅田秀子『現代副詞用法辞典』東京堂出版 (Хида Ё., Асада Х. Словарь употребления наречий. Токио: Токио-до, 1994. 640 с.)

SUPERLATIVE ADBERBS IN JAPANESE

Chironov Sergei Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
s.chironov@inno.mgimo.ru

This paper is an attempt at describing a group of Japanese adverbs conveying superlative meaning standing out from a multiple background, as a field of synonyms. Using corpus data to specify the modes of their usage, we explain the pragmatic potential of lexemes, apparently a major distinctive feature, through a linkage with their internal semantics and etymology.

Key words and phrases: Japanese language; adverbs; superlative; highlighting; corpus data.

УДК 8628

В статье высказываются некоторые точки зрения относительно понятия «языковая картина мира». На основе анализа различных видов метафор, используемых в романе К. Воннегута «Mother Night» («Мать Тьма»), по-новому интерпретируется их роль в индивидуальном мировосприятии автором романа концептов ЛЮБОВЬ и ВОЙНА; делается вывод о том, что метафора является одним из способов создания языковой картины мира; доказывается, что через использование метафор, характерных именно для К. Воннегута, создается новый мир, увиденный его глазами.

Ключевые слова и фразы: языковая картина мира; индивидуально-авторская картина мира; мировидение; индивидуально-авторский концепт; метафора; вербализация.

Шаваева Фатима Якубовна

Пятигорский государственный лингвистический университет
f.rch@mail.ru

**МЕТАФОРА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
МИРОВОСПРИЯТИЯ В РОМАНЕ К. ВОННЕГУТА «MOTHER NIGHT» («МАТЬ ТЬМА»)**

Большое значение в раскрытии общего и частного, объективного и субъективного, универсального и национально-специфического играет метафора, оказываясь тем самым явлением, посредством которого совершается акт авторского мировидения. Мировидение, отразившееся в языке, называют языковой картиной мира. Ее изучение – один из надежных путей понимания ментальности [4, с. 147]. Базой исследования мировидения является текст, за которым стоит его создатель, владеющий системой языка. Следовательно, для выявления

индивидуального мировидения привлекаются тексты, созданные автором. Каждый художественный текст является пространством для реализации данным писателем процесса познания картины мира природы, мира животных, своего собственного мира. Каждый писатель в своем стремлении познать и объяснить окружающий мир пропускает его через свои собственные сигналы, которые выражаются словами-концептами через многочисленные тропы, среди которых метафора занимает ведущую позицию. Целью нашего исследования явилась стилистическая интерпретация примеров из романа К. Воннегута «Мать Тьма», в которых метафора проявила себя специфически в создании конкретных образных номинаций концептов ЛЮБОВЬ, ВОЙНА.

Надо отметить, что к творчеству К. Воннегута в последнее время обращаются все чаще и чаще не только читатели, но и литературоведы и лингвисты. Такой интерес обусловлен, прежде всего, неординарностью языковой личности самого писателя, а также его формой создания художественных образов при помощи многообразных языковых средств. Эта форма своеобразна, как и созидательная индивидуальность писателя. В высказываниях критиков-литературоведов нет единого устоявшегося мнения о его творческих работах. Так, профессор Иллинойского университета Ч. Харрис относит их к «абсурдизму» [5], черты абсурдизма в творчестве К. Воннегута видит и преподаватель Калифорнийского университета Дж. Кеннард [7]. Американский лингвист П. Рид анализирует творчество К. Воннегута в рамках модернизма [8]. Один из теоретиков школы «черного юмора» М. Шульц [9] находит штрихи «черного юмора» в некоторых воннегутовских произведениях. Обыкновенные читатели произведений К. Воннегута из разных стран также неоднозначно отзываются о его творчестве. Но почти все сходятся в том мнении, что книги грандиозны, стиль необыкновенный, композиции поразительны, язык отрывист, сюжет неординарен и т.д.

С лингвистической точки зрения мы находим, что произведения К. Воннегута представляют большой потенциал со всех точек исследования для дальнейшего изучения на языковых уровнях. Нас заинтересовала исключительная тонкость писателя при выражении концептов ЛЮБОВЬ, ВОЙНА и то, как при помощи метафоры, одного из основных приемов экспрессивного воздействия на читателя, автор выражает свое мировидение этих концептов. Мы по-новому интерпретировали выбранные метафоры с точки зрения их создателя и с наших позиций. Мы пришли к выводу, что картина мира, создаваемая метафорой как одним из языковых средств, отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя, которая воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения и в индивидуальном использовании лексических и стилистических приемов.

Многие современные исследователи художественного текста считают, что в его структуре и содержании можно обнаружить модель мира, как ее понимает автор. Понятие «языковая картина мира» относится к фундаментальным понятиям, отражающим саму сущность человека и его взаимоотношение с внешним миром [1, с. 32]. Любой авторско-индивидуальный мир формируется под действием определенных факторов, и их взаимное сочетание определяет уникальное своеобразие стиля. Язык является частью культуры, и в культуре каждого народа есть собственное видение мира, которое отражается через язык. С точки зрения взаимосвязи языка и культуры термин «языковая картина мира» Ж. Вардзелашвили интерпретирует как «исторически сложившуюся в сознании определенного языкового коллектива и отраженную в языке всю совокупность представлений о мире» [Там же, с. 33]. Из диссертации Е. А. Ворониной мы узнаем, что авторское мировоззрение как принцип подхода к жизненному материалу, его осмыслению и отбору «в процессе художественного творчества не только вербализуется, как вербализуется картина мира, становясь языковой, но и диктует всю концепцию, влияет на жанровое и стилевое своеобразие создаваемого произведения» [3, с. 65]. Мы присоединяемся к данной позиции, так как в произведении К. Воннегута «Мать Тьма» [10] отмечаем, что метафора является преобладающим языковым средством передачи индивидуального мировосприятия автором. Метафора репрезентирует и вербализует различные концепты, среди которых мы выбрали два, на наш взгляд, представляющих бесконечный интерес: концепт «война» и концепт «любовь». На примерах, взятых из этого романа, мы анализируем специфику функционирования метафоры, выражающей данные концепты, и ее возможности в моделировании индивидуально-авторской картины мира К. Воннегута.

Концепт ЛЮБОВЬ (к своей жене Хельге) автор представляет простыми метафорами «nation of two» – «государство двоих», «sovereign territory» – «суверенная территория», «narcotic» – «любовь-наркотик», «soul love» – «любовь душ», «angel» – «ангел» (о жене) и др. Надо отметить, что метафора «nation of two» повторяется в романе несколько раз [Ibidem, p. 27, 57, 59], один раз на немецком языке – «Das Reich der Zwei» [Ibidem, p. 27], очевидно для того, чтобы подчеркнуть великую силу любви героев, где при потере одного из членов семьи не будет существовать ни государство, ни нация. Далее приведем примеры данных метафор.

(1) «Away from the *sovereign territory of our nation of two*, we talked like the patriotic lunatics all around us. But it did not count. Only one thing counted – The nation of two. And when that nation ceased to be, I became what I am today and what I always will be, a stateless person» [Ibidem]. / *Вдали от суверенной территории нашего государства двоих мы болтали, подобно патриотам-лунатикам, окружающим нас. Ничего вокруг не имело смысла. На земле существовало только государство двоих. И когда это государство перестало существовать, я стал тем, кто я есть сейчас, человеком без гражданства, которым я буду всю свою жизнь* (здесь и далее перевод автора статьи – Ф. Ш.). В этом примере передан специфический образ любимой жены главного героя, где при помощи метафор происходит художественная трансформация восприятия реального суверенного пространства «sovereign territory» внутри семьи «nation of two» и географического пространства всего государства. Таким образом К. Воннегут передает самоотверженность и искренность чувств своего героя.

(2) «My *narcotic was what had got me through the war*; it was an ability to let my emotions be stirred by only one thing – my love for Helga. This concentration of my emotions on so small an area had begun as a young lover's happy

illusion, had developed into a device to keep me from going insane during the war, and had finally become the *permanent axis about which my thoughts revolved*» [Ibidem, p. 29]. / *Именно мой наркотик помог мне пройти через войну; он давал возможность концентрироваться только на одной вещи – моей любви к Хельге. Эта концентрация моих собственных эмоций в такой маленькой области началась со счастливой иллюзии молодого влюбленного, развилась в то, что удержало меня от умопомешательства во время войны, и, наконец, превратилась в постоянную ось, вокруг которой вращались все мои мысли.* В этом примере автор произведения подчеркивает силу своей любви к жене, используя следующие метафоры: а) фитоморфная метафора «наркотик», при этом создается четкая картина душевных переживаний героя во время войны, где только любовь спасала его от смерти; б) артефактная метафора «ось, вокруг которой вращались все мои мысли» ведет нас к географии и ассоциируется в картине мира К. Воннегута с осью Земли, без которой невозможно ее вращение.

(3) «“What is there to talk about?” I said. “Nothing you could say would make me love you more or less. Our love is too deep for words ever to touch it. It's soul love”» [Ibidem, p. 71]. / *О чем вообще можно говорить? Что бы ты ни сказала – это не заставит меня любить тебя больше или меньше. Наша любовь настолько глубока, что словами ее не достать. Это любовь души.* В этом примере при помощи психофизиологической метафоры «любовь душ» автор репрезентирует глубину данного чувства, выраженного не только телесно, но и духовно. А при помощи пространственной метафоры «любовь настолько глубока, что словами ее не достать» выражается сходство глубинного чувства любви с колодезем.

(4) «No matter what I was really, no matter what I really meant, uncritical love was what I needed – and my Helga was *the angel who gave it to me*» [Ibidem, p. 27]. / *Неважно, кем я был на самом деле, неважно, что я реально имел в виду, безоглядная любовь – вот в чем я нуждался, и моя Хельга была ангелом, который мне ее дарил.* В этом абзаце конфессиональная метафора «женщина – ангел» подчеркивает неземную красоту жены героя и ее недоступность для простого смертного.

Другой концепт – ВОЙНА – рассматривается К. Воннегутом при помощи метафорических образов «западня смерти», «трупы – атрибуты войны», «штабеля трупов», «игрушки войны» и др. Надо отметить, что данный концепт описывается многими современными исследователями в диссертациях, монографиях, научных статьях. Так, Л. В. Венедиктова представляет его лингвокультурным концептом, значимой единицей словаря, обладающим богатым лексическим фоном и являющимся ценностным для лингвокультурной общности содержанием [2, с. 12]. Н. С. Шмидт в своей статье выстраивает лексико-семантические поля данного концепта, где в ближайшей периферии она рассматривает слово «смерть» как синоним слову «война» [5]. Нет сомнения в том, что всеми авторами война рассматривается как тяжелое испытание для народов, в котором проявляются все положительные и отрицательные черты и выстраивается общенациональный характер.

В ниже рассматриваемых примерах К. Воннегут репрезентирует концепт ВОЙНА через метафорическое описание как способ выражения индивидуального восприятия картины мира, возможно, тем самым дополняя представление о войне и о тех данных о значении этого слова (борьба, ссора, вражда, соперничество и многие другие), которые находим в различных толковых словарях.

(5) «As the war drew to a close, Heinz and I couldn't drink in our pillbox boys any more. An eighty-eight gun was set up in it, and the gun was manned by boys of about fifteen or sixteen years old <...> – boys that young, and yet with men's uniforms and *a fully-armed death trap all their own*» [10, p. 62]. / *Когда война стала подходить к концу, мы с Хейнцем уже не могли выпивать в нашем доме. Там было установлено восьмидесятивосьмидюймовое орудие, и это орудие охраняли пятнадцати-шестнадцатилетние мальчишки <...> – такие молоденькие мальчишки, а уже во взрослой форме и со своей собственной вооруженной до зубов западной смерти.* В этом примере при помощи артефактной метафоры «орудие – западня смерти» автор указывает на неизбежный конец для обеих сторон: мальчишек, стреляющих из этого орудия, и тех, на кого оно нацелено. Возможно, это является сигналом для человечества того, насколько опасна для него война.

(6) «There were pictures of men hung on barbed wire, mutilated women, *bodies stacked like cord-wood – all the usual furniture of world wars*» [Ibidem, p. 19]. / *Здесь были изображены мужчины, висящие на колючей проволоке, искалеченные женщины, штабеля трупов – все обычные атрибуты мировых войн.* В этом предложении артефактная метафора «штабеля трупов» указывает не только на многочисленность убитых, но и на бесчеловечность по отношению к тем из них, которые не были преданы земле.

(7) «If Helga had survived the Russian attack on the Crimea, had eluded all the *crawling, booming, whistling, buzzing, creeping, clanking, bounding, chattering toys of war* that killed quickly, a slower doom, a doom that killed like leprosy, had surely awaited her» [Ibidem, p. 45]. / *Если Хельга пережила русское наступление на Крым, избежала всех ползающих, жужжащих, свистящих, гремящих, падающих ниц, звенящих, прыгающих, бряцающих игрушек войны, которые убивали быстро, ее обязательно ожидала участь, которая убивает медленно, как проказа.* В этом примере артефактная метафора «игрушки войны», осложненная восемью атрибутивными метафорами, коротко, ритмично и ясно описывает все ужасы войны.

(8) «If my Helga had survived the battle, her captors had surely prodded her with gun muzzles into a labor gang. They had surely shepherded her into one of Mother Russia's countless huddles of squinting, lumpy, hopeless, grubbing ragbags – had surely made of my Helga a digger of root crops in frosty fields, a lead-footed, splay-fingered clearer of rubble, *a nameless, sexless dragger of noisy carts*» [Ibidem]. / *Если моя Хельга избежала гибели в бою, то захватившие ее в плен, конечно, затолкали ее прикладами в команду каторжников. Ее, конечно, загнали в одно из стад хромающих, грязных, скособоченных, безнадежно отчаявшихся оборванцев, без числа рассеянных по матушке-России, превратили ее в существо, питающееся корнями, вырытыми на замерзших*

полях, превратили в безымянное, бесполое существо, запряженное в скрипучую телегу. В этом примере антропоморфная метафора «безымянное, бесполое существо» – *a nameless, sexless dragger* – по отношению к описанию женщины, прошедшей войну, показывает, во что может превратиться человек за короткий промежуток времени. Весь ужас в том, что этот процесс необратим.

Проанализировав образные средства, создающие два концепта: «любовь», «война», отмечаем преобладающую роль метафоры в их формировании. Фиксируем, что за счет метафоры происходит смысловое движение, при котором появляются механизмы переносных значений. Метафора устанавливает между ними аналогии, позволяя создавать особую метафорическую модель индивидуально-авторской картины мира. Так, например, через концепт «любовь» создались следующие метафорические модели: «любовь – нация на двоих», «любовь – суверенная территория», «любовь – наркотик». Через концепт «война» автор смоделировал следующие образы: «война – западня смерти», «война – штабеля трупов», «война – игрушки войны (оружие)» и т.д.

Рассмотрев образные единицы, репрезентирующие концепты ЛЮБОВЬ, ВОЙНА, мы можем прийти к заключению, что в метафорической модели мира К. Воннегута наблюдаются специфические особенности, а именно метафорические переносы между различными сферами действительного мира: «война – смерть», «любовь – ангел» и др. Метафоры в произведениях К. Воннегута выражают личное восприятие автором окружающего мира, отличаются натуралистичностью («любовь – наркотик»), оригинальностью («семья – государство двоих») и иногда вульгарностью («штабеля трупов»). К. Воннегут четко выражает свою мысль. Его метафоры разнообразны: артефактные, психофизиологические, фитоморфные, антропологические, пространственные, конфессиональные. Одни глубинны, их можно осмыслить только в пределах определенного контекста. Другие достаточно понять, даже не вдумываясь.

Итак, языковая картина мира К. Воннегута включает в себя информацию, которая выражена лексически и передана метафорически. Она отражает индивидуальную точку зрения автора на действительность и имеет тесную связь с концептуальной картиной мира. Одним из способов создания языковой картины мира является метафора, и через использование характерных именно для К. Воннегута метафор создается мир, увиденный его глазами. Анализ примеров с использованием различных метафор, взятых из романа К. Воннегута, показал некоторую закономерность индивидуального восприятия мира. Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, что произведения художественной литературы К. Воннегута запечатлевают в себе национальную картину мира, опосредованную индивидуально-авторским мировосприятием. Они могут интерпретироваться как источник знания о национальном характере и менталитете народов стран, где разыгрываются главные события.

Список источников

1. Вардцелашвили Ж. Метафорические номинации в языковой картине мира // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия: Филология. СПб. – Тб.: Речь, 2001. Вып. II. С. 32-37.
2. Венедиктова Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2004. 20 с.
3. Воронина Е. А. Мировоззренческое знание в литературно-художественном творчестве: дисс. ... к. филос. н. Нижний Новгород, 2008. 176 с.
4. Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
5. Шмидт Н. С. «Концепт “война” в английской языковой картине мира» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.art-dialog.net/en/contest-in-rybnic/284-projects/perazo-stagoddzya-1914-2014/materyyaly-chytannya/448-kontsept-vona-v-anglisko-yazykovo-kartine-mira> (дата обращения: 22.06.2016).
6. Harris Ch. B. Contemporary American Novelists of the Absurd. New Haven, Connecticut: College & University Press, 1971. 159 p.
7. Kennard J. E. Number and Nightmare: Forms of Fantasy in Contemporary Fiction. Hamden, Connecticut: Archon Books, 1975. 224 p.
8. Reed P. J. Kurt Vonnegut, Jr. N. Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1972. 222 p.
9. Scholes R. Mithridates, He Dies Old: Black Humor and Kurt Vonnegut, Jr. // The Sounder Few / ed. by R. H. W. Dillard et al. Athens, Georgia: University of Georgia Press, 1971. P. 173-185.
10. Vonnegut K., Jr. Mother Night. N. Y.: Avon Books, 1967. 192 p.

METAPHOR AS ONE OF THE METHODS OF EXPRESSING THE INDIVIDUAL WORLDVIEW IN KURT VONNEGUT'S NOVEL "MOTHER NIGHT"

Shavaeva Fatima Yakubovna
Pyatigorsk State Linguistic University
f.rch@mail.ru

In the article some points of view regarding the notion “linguistic worldview” are presented. On the basis of the analysis of different types of metaphors used in K. Vonnegut’s novel “Mother Night” their role in author’s individual worldview of the concepts LOVE and WAR is interpreted in a new way. It is concluded that metaphor is one of the ways for creating a linguistic worldview and it is proved that through the use of metaphors, typical for K. Vonnegut, a new world seen by his eyes is created.

Key words and phrases: linguistic worldview; author’s individual worldview; worldview; author’s individual concept; metaphor; verbalization.